

И.Е. Каплан

«Фаталист»

«Тамань» открывает журнал Печорина, его завершает «Фаталист». Каждая из этих глав чем-то обогащает наше представление о герое. В «Тамани» Печорин поражает нас своей кипучей энергией, ненасытной жаждой действия. Ведь всего-то прошло немногим более суток пребывания Печорина в городке. А как много он увидел, услышал, почувствовал, передумал. Как много он вобрал в себя впечатлений, как ускоренно жил! Какой сложной и противоречивой натурой предстает герой: эгоистичный и чуткий к людям, безрассудно действующий и глубоко мыслящий, жадно живущий и в то же время разочарованный человек! В «Фаталисте» Печорин все такой же, но здесь он показан как человек, которого волнуют коренные вопросы бытия: свободна ли личность в своих поступках и действиях, в чем ее предназначение.

Буквально с первых строк намечается проблематика главы «Фаталист». Офицеры, присутствующие на вечере у майора С***, заинтересованно обсуждают волнующий каждого из них вопрос о судьбе, предопределении (ведь они ежедневно подвергаются опасности), приводят доводы *за* и *против* веры в фатум. Один из участников спора веру в предопределение считает вздором: «...Если точно есть предопределение, то зачем же нам дана воля, рассудок? почему мы должны давать отчет о наших поступках?» Вулич убежден в ином: «Каждому... заранее назначена роковая минута...» И он предлагает «испробовать на себе, может ли человек своевольно располагать своею жизнью». Пистолет, приставленный Вуличем ко лбу, после нажатия курка дает осечку... Человек не вправе распорядиться своей жизнью — таков, казалось бы, логический вывод из этого необычного спора. Убедил ли исход спора Печорина в существовании предопределения? И да, и нет. В этом плане важны его размышления после странного случая с Вуличем.

Возвращаясь домой, Печорин вспомнил о некогда живших людях, которые были убеждены, что «светила небесные принимают участие» в их делах. Это наивное верование придавало им силы жить и сражаться за свои права. И с горечью обращается Печорин к своему поколению, скитающемуся по земле «без убеждений и гордости»¹, не способному к «борьбе с судьбою». Казалось бы, эти думы о своем поколении не имеют отношения к тому, что произошло с Вуличем. Однако в них проявилась характерная черта личности Печорина — его беспокойные искания истины, обращение к прошлому и настоящему, к людям и фактам. Его аналитический ум не знает покоя:

«Не знаю наверное, верю ли я теперь предопределению или нет, но в этот вечер я ему твердо верил: доказательство было разительное, и я, несмотря на то что посмеялся над нашими предками и их услужливой астрологией, попал невольно в их колею; но я остановил себя вовремя на этом опасном пути и, имея правило ничего не отвергать решительно и ничему не верить слепо, отбросил метафизику в сторону и стал смотреть под ноги».

От высоких материй к простым реальностям жизни... Итак, «ничему не верить слепо», но «ничего не отвергать решительно» — таков итог анализа фактов. В раздумьях о жизни, стремлении во всем разобраться — глубокое отличие Печорина от Вулича, хотя нельзя отрицать их сходство. Их сближает сила характера, способность к необыкновенным поступкам, огромное самообладание. Вулич одержим страстью к карточной игре. И роковое пари для него тоже игра, даже «лучше банка и штосса», правда, опаснее.

¹ Вместо выражения «без убеждений и гордости» было «без веры и гордости». В другом месте текста вместо «Но кто знает наверное, убежден ли он в чем или нет» было «...верит ли он во что или нет». Эти изменения объяснимы: цензура не пропустила бы столь откровенных свидетельств безверия Печорина.

В Печорине живет другой азарт, азарт действия. Но он не находит для себя достойного дела, и в этом драма его жизни. Пустое действие мельчит его душу. Он ничего не предпринимает, чтобы роковое пари не состоялось, и даже торопит его завершение. После счастливого финала на вопрос Вулича: «Вы начали верить предопределению?» — отвечает: «Верю; только не понимаю теперь, отчего мне казалось, будто вы непременно должны нынче умереть...» Откровенность Печорина более чем бестактна.

По-видимому, гибель Вулича должна была окончательно убедить Печорина в верности своего предчувствия, в том, что предопределение вершит свой суд. Вулич, идущий на верную смерть, чудом остается жив — и погибает в обстановке, которая как будто ничем ему не грозила. Мысль о предопределении как бы нашла свое подтверждение. Однако случившееся с Вуличем не сделало Печорина фаталистом. «И как часто мы принимаем за убеждение обман чувств или промах рассудка!.. Я люблю сомневаться во всем...» — таково кредо героя.

По возвращении в крепость Печорин обо всем, что с ним случилось, рассказал Максиму Максимычу. Богатый жизненный опыт штабс-капитана подсказывает вполне здоровое объяснение, почему не последовал выстрел из пистолета Вулича: «Эти азиатские курки часто осекаются, если дурно смазаны или не довольно крепко прижмешь пальцем». Да и гибели Вулича он находит простое объяснение: «Черт же его дернул ночью с пьяным разговаривать!..», а уж затем последовало: «Видно, уж так у него на роду было написано!..» Вряд ли это суждение могло в чем-то убедить Печорина.

Новелла остросюжетна и драматична. Одно событие следует за другим. Герои действуют на пределе человеческих возможностей. Сюжет включает три необыкновенных случая из жизни Печорина и Вулича. И все эти случаи связаны единой мыслью. В. Виноградов отмечал:

«Все вращается вокруг темы судьбы, предопределения... По разным направлениям, по разным сознаниям в развитии сюжета происходят всплески и отражения одной и той же темы судьбы».

Свое отношение к предопределению высказывают Вулич, Печорин, офицеры, Максим Максимыч, есаул. Новелла предельно насыщена мыслью.

Считанные страницы, а как много в произведении сказано, изображено. Даже эскизно намеченные характеры остаются в памяти читателя. Вот перед нами старый есаул, немало за свою жизнь повидавший, его ничем не удивишь. Его взгляд на жизнь прост и ясен: согрешил — покорись; христианин честен — «чеченец окаянный»; «Ну, уж коли грех... попутал, нечего делать: своей судьбы не минуешь!» Но верующий в Бога есаул советует пристрелить пьяного казака, чтобы только не разгневать господ офицеров, которые «уж два часа дожидаются».

Несколько деталей — и воссоздан портрет матери убийцы, потрясенной случившимся: «Она сидела на толстом бревне, облокотясь на свои колени и поддерживая голову руками... Ее губы по временам шевелились: молитву они шептали или проклятие? » На грубый окрик есаула («Эй, тетка! поговори сыну, авось тебя послушает...») она лишь пристально посмотрела и покачала головой. Мать хорошо знает своего сына и понимает бесполезность переговоров с ним, а горе так велико, что нет сил для ответа...

Лермонтов-прозаик обладал умением о многом сказать немногими словами. Вот как скупо и емко сообщено о времяпровождении военных в казачьей станице:

«...офицеры собирались друг у друга поочередно, по вечерам играли в карты.

Однажды, наскучив бостоном и бросив карты под стол, мы засиделись у майора С*** очень долго; разговор, против обыкновения, был занимателен».

Какой большой смысл содержится в выражении «против обыкновения»! О скуке и однообразии жизни военных сказано с предельной лаконичностью.

В новелле немало сложных синтаксических конструкций — это по преимуществу те места, которые связаны с раздумьями Печорина. Речь его полна образных выражений, оригинальных сравнений, порой приближается к языку поэзии:

«Мы не способны более к великим жертвам ни для блага человечества, ни даже для собственного нашего счастья, потому что знаем его невозможность и равнодушно переходим от сомнения к сомнению, как наши предки бросались от одного заблуждения к другому...»

Эти проникновенные слова печоринской исповеди напоминают тревожные строки стихотворения «Дума».

Богатому духовному миру Печорина, аналитическому складу ума соответствует сложная структура фразы его внутренних монологов. Острота ума, скептическое отношение к жизни нашли отражение в тонкой иронии. Обратимся к отдельным примерам:

«Мне стало смешно, когда я вспомнил, что были некогда люди премудрые, думавшие, что светила небесные принимают участие в наших ничтожных спорах...»

Слово *премудрые* в контексте фразы приобретает обратный смысл — далеко не мудрые.

«Уж восток начинал бледнеть, когда я заснул, но — видно, было написано на небесах, что в эту ночь я не выплусь».

Соотнесенность бытового «не выплусь» с возвышенным «было написано на небесах» воспринимается как ирония.

Индивидуализирована речь других действующих лиц: Вулича, есаула. При всех отступлениях от норм языка выразительна речь Максима Максимыча. Для него предопределение — «штука довольно мудреная!». Он не любит черкесских винтовок: «они как-то нашему брату неприличны», зато их шашки — «просто мое почтение!».

Самое большое достижение Лермонтова — глубинное раскрытие внутреннего мира природы сложной, противоречивой. Характеризуя творческую манеру Льва Толстого, Чернышевский писал:

«Психологический анализ может принимать различные направления: одного поэта занимают всего более очертания характеров; другого — влияния общественных отношений и житейских столкновений на характеры; третьего — связь чувств с действиями; четвертого — анализ страстей; графа Толстого всего более — сам психический процесс, его формы, его законы, диалектика души, чтобы выразиться определительным термином.

Из других замечательнейших наших поэтов более развита эта сторона психологического анализа у Лермонтова...»

Эта особенность его дарования ярко проявилась в раскрытии духовного мира Печорина. Сошлемся на его монолог о вере предков. От созерцания вечернего неба к мысли о «людях премудрых» с их наивной верой в небесные силы, затем думы о своем поколении, воспоминания о прожитых годах... Переход одной мысли в другую, их связь и развитие, «сам психический процесс» — одно из художественных открытий Лермонтова.

Глава «Фаталист» не случайно завершает роман. В ней дано объяснение жизненных принципов Печорина, его поступков. В выстраданном высказывании героя о своем поколении выражены сокровенные мысли о предназначении человека. Жизнь пуста, когда нет служения высоким целям и идеалам, утрачена способность к борьбе во имя блага людей. А без этого, по мнению Печорина, невозможно и личное счастье. Наивная вера предков опасна, но именно она придавала им уверенность в своих действиях, наполняла жизнь смыслом. И Печорин находит резкие слова о своем поколении скитальцев, равнодушных ко всему. Отсюда скепсис, неудовлетворенность собой. Исповедь героя — итог раздумий о жизни, ключ к пониманию его беспокойной и трагической судьбы, его тоски и метаний, отражение взглядов и настроений поколения 1830-х, когда, по словам Герцена, «глубокая печаль овладела душою всех мыслящих людей». И все же роман заканчивается

отнюдь не на минорной ноте. В поединке Печорина с казаком не только риск, своеобразное повторение пари Вулича, но и продуманное действие. Не прими Печорин нужных предосторожностей, он не избежал бы гибели. Вуличу, если бы он совершил подобный поступок, не нужны были бы предосторожности. Он слепо верил в предопределение.

Печорин предостерег от дальнейших непредсказуемых действий невменяемого казака, а также спас и его самого, ведь неизвестно, как могло обойтись ему его буйство. Не случайно офицеры поздравили Печорина — «и точно, было с чем».